Многоуважаемому
Льву Владимировичу Щербе
на память отъ автора.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественныхъ Наукъ
Академіи Наукъ СССР

НѢКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СИНТАКСИСА, МОРФОЛОГІИ И СЕМАЗІОЛОГІИ ВЪ ПРИМѢНЕНІИ КЪ РУССКОМУ ЯЗЫКУ.

(Изъ чтеній на учительскихъ курсахъ въ Казани въ авг. 1915 г.).

Цѣль моихъ бесѣдъ состоитъ прежде всего въ томъ, чтобы доказать, что и при школьномъ преподаваніи русской грамматики въ основу слѣдуетъ класть живую разговорную рѣчь, отъ которой уже переходить къ письменно-литературной; кромѣ того, я имѣю въ виду сдѣлать попытку разобраться въ нѣкоторыхъ противорѣчіяхъ существующей грамматической литературы и обнаружить неправильность нѣкоторыхъ воззрѣній въ ней; наконецъ, я сдѣлаю нѣсколько практическихъ указаній [1]).

Полагая въ основу грамматическаго изученія языка явленія живой рѣчи, я долженъ поэтому предварительно сказать нѣсколько словъ о *важности наблюденій надъ разговорнымъ языкомъ при изученіи грамматики.* Я приписываю такое важное значеніе разговорной рѣчи потому, что именно эта послѣдняя лежитъ въ основѣ письменно-литературнаго языка (какъ прозаическаго, такъ и поэтическаго въ обѣихъ разновидностяхъ послѣдняго—художественной прозы и стихотворной поэзіи), и тѣ перемѣны въ литературномъ языкѣ, которыя указываются въ исторіи языка, создавались главнымъ образомъ и прежде всего въ языкѣ разговорномъ, изъ котораго уже переходили въ языкъ

[1]) Такъ какъ нѣкоторыя изъ моихъ положеній уже излагались въ прежнихъ моихъ трудахъ, то я считаю возможнымъ въ настоящей статьѣ въ такихъ случаяхъ ограничиться простымъ указаніемъ на эти положенія съ соотвѣтствующими ссылками на мои работы, при чемъ я буду пользоваться слѣдующими сокращеніями:

Оч. = Очерки по языковѣдѣнію и русскому языку (1910)[3].

Лекціи = Лекціи по общему языковѣдѣнію (1915)[2].

Рус. гр. = Общій курсъ русской грамматики (изъ университетскихъ чтеній). 1913[4].

литературный. Въ самомъ дѣлѣ, письменно-литературная рѣчь каждаго писателя, не только прозаика, но и поэта, основывается непосредственно на его рѣчи устной или разговорной; такъ, если, напр. литературныя произведенія Пушкина сильно разнятся по языку отъ такихъ же произведеній Ломоносова, то это стоитъ въ прямой зависимости отъ того, что разговорная рѣчь послѣдняго соотвѣтственно отличалась отъ живой рѣчи перваго. Конечно, необходимо происходитъ и обратное вліяніе, т. е. письменно-литературнаго языка на рѣчь разговорную, но нельзя не признать, что вообще письменно-литературная рѣчь есть явленіе вторичное или производное, а такъ какъ учащіеся приступаютъ къ изученію ея лишь владѣя естественнымъ или разговорнымъ языкомъ, то и изученіе грамматики нужно начинать съ этого послѣдняго.

Высказываемая нами рѣчь проявляется непосредственно въ формѣ *предложеній*, изученіе которыхъ составляетъ предметъ синтаксиса; въ зависимости отъ этого и разсмотрѣніе грамматическихъ вопросовъ я начну именно съ этого отдѣла. Въ предложеніяхъ наша мысль обычно расчленяется на *подлежащее* и *сказуемое* съ относящимися къ нимъ *второстепенными* членами. Какъ ни проста эта форма, но человѣчеству, несомнѣнно, понадобились громадныя усилія, чтобы придти къ ней. Между тѣмъ теперь во время бесѣды мысль говорящаго какъ бы невольно отливается въ эту рѣчевую форму, на основаніи которой слушающій составляетъ въ своемъ умѣ ту картину, какую имѣлъ въ виду говорящій. Не слѣдуетъ думать, что говорящій, передавая другимъ въ словахъ мысль или картину, произноситъ весь рядъ словъ съ одинаковою сознательностью; нѣкоторую часть послѣднихъ онъ высказываетъ безсознательно, благодаря навыку, идущему еще съ дѣтства [1]).

Уже давно наука обратила вниманіе на то, что синтаксическія категоріи членовъ предложенія далеко не совпадаютъ съ сходными по названію научно-логическими и что вообще синтаксическое ученіе о членахъ предложенія должно быть рѣшительно отграничено отъ логическаго ученія о членахъ сужденія. Я нахожу, однако, что при этомъ упускается изъ виду *естественно-логическій* моментъ мысли

[1]) Въ самомъ дѣлѣ, какъ легко извѣстныя комбинаціи словъ вызываютъ недостающія слова, срв. напр. фразы: „дворникъ вчера наложилъ полную печку —“ „ученикъ второпяхъ — свои книги дома“, „собака лаетъ, а кошка —“; подобнымъ образомъ дѣйств. глаголъ возбуждаетъ въ рѣчевой мысли имя въ формѣ винит. падежа, союзъ *если бы*—глаголъ съ окончаніемъ прош. вр., и т. д.

который, рѣшительно отличаясь отъ научно-логическихъ категорій, проникаетъ и направляетъ языковое мышленіе говорящаго, тѣсно сливаясь съ членами высказываемыхъ предложеній (Рус. грам. 286—288, 292 сноска; Лекціи, 172—174).

Съ другой стороны безспорно, что процессъ нашей мысли-рѣчи представляетъ психологическую природу, и вотъ нѣкоторыми лингвистами было видвинуто *ученіе о психологическихъ подлежащемъ и сказуемомъ*, могущихъ не совпадать съ грамматическими. Какъ я показалъ въ другомъ мѣстѣ, это ученіе является лишь замѣною прежняго и при томъ болѣе правильнаго ученія о логическомъ удареніи въ предложеніи и потому, какъ излишнее, должно быть оставлено (Лекціи, 176—177).

Отъ разсмотрѣнныхъ принципіальныхъ вопросовъ о природѣ предложенія и его членовъ мы перейдемъ теперь къ нѣкоторымъ частностямъ и прежде всего остановимся на ученіи о такъ называемой „*связкѣ*“ въ составномъ сказуемомъ: Надо удивляться, что ученые, высказывавшіеся о рѣшительномъ отграниченіи синтаксиса отъ логики, такъ настойчиво ухватились за логическое ученіе о „связкѣ“, что даже расширили сферу этой категоріи отнесеніемъ къ ней цѣлаго ряда глаголовъ — считаться, становиться, казаться и др. А между тѣмъ эти „связки“ имѣютъ всѣ свойства глаголовъ-сказуемыхъ, такъ что категорія „связки“ съ грамматической точки зрѣнія является чистѣйшей фикціей. Самый терминъ даже въ примѣненіи къ глаголу быть является безсодержательнымъ, такъ какъ глаголъ этотъ не связываетъ (какъ напр. союзъ), а является знакомъ классифицирующаго акта мысли [1]). Очевидно, въ синтаксическомъ ученіи о „связкѣ“ мы имѣемъ дѣло съ привычкою къ старому логическому термину и нежеланіемъ его покинуть; а между тѣмъ не значитъ ли это, что, изгоняя одною рукою логику изъ синтаксиса, другою усиленно цѣпляться за ту же логику? Съ своей стороны я полагаю, что на мѣсто пресловутыхъ „связокъ“ синтаксисъ долженъ выдвинуть ученіе о „сложномъ“ сказуемомъ, состоящемъ изъ *основного сказуемаго*, именно—гла-

[1]) Правда, въ настоящемъ времени этотъ глаголъ опускается (напр. „лошадь—животное“, „волкъ—сѣръ“), однако этотъ пропускъ возможенъ лишь потому, что при этомъ именное слово, входящее въ составъ сказуемаго, въ живой рѣчи обычно произносится съ логическимъ удареніемъ и отдѣляется легкой паузой отъ названія опредѣляемаго предмета, а такой способъ произношенія является достаточнымъ для показанія того, что родовое понятіе въ подобнаго рода выраженіяхъ служитъ сказуемымъ.

гольной формы, и *пополняющаго слова* (я не говорю „дополняющаго“ во избѣжаніе двусмыслія, такъ какъ съ терминомъ „дополненіе“ грамматика соединяетъ другое, вполнѣ опредѣленное понятіе). Такъ, напр., въ предложеніи „Эта рѣка называется Казанкою“ словосочетаніе „называется Казанкою“ должно считаться сложнымъ сказуемымъ, гдѣ основною частью сказуемаго служитъ глагольная форма „называется“, а слово „Казанкою“ должно считаться пополняющею частью сложнаго сказуемаго [1]). Изложенное ученіе о сложномъ сказуемомъ основывается на томъ простомъ наблюденіи надъ глаголами, что, въ то время какъ одни глаголы сами по себѣ имѣютъ достаточно полное значеніе и потому могутъ функціонировать въ качествѣ простого сказуемаго, нѣкоторые другіе глаголы, напротивъ того, становятся полными по значенію лишь по присоединеніи пополняющаго слова и уже въ этомъ видѣ становятся сложнымъ сказуемымъ (срв. Рус. грам., 293—294, 295—296).

Обратимся къ *второстепеннымъ* членамъ предложенія. Если въ огромномъ количествѣ случаевъ вопросъ не представляетъ затрудненій, благодаря взаимной согласованности смыслового и формальнаго момента (напр. въ предложеніи „мой добрый товарищъ принесъ мнѣ книгу“ для всякаго очевидно, что слова „мой добрый“ являются опредѣленіемъ къ подлежащему „товарищъ“, а „книгу“ служитъ прямымъ дополненіемъ къ сказуемому „принесъ“), то есть рядъ случаевъ взаимнаго противорѣчія обоихъ моментовъ, и вотъ на этой почвѣ возникаетъ разногласіе между грамматиками при опредѣленіи членовъ предложенія, главнымъ образомъ въ отношеніи „опредѣленія“ и „дополненія“. Такъ, напр., въ фразѣ „я взялъ книгу отца“ одни считаютъ слово „отца“ косвеннымъ дополненіемъ къ прямому дополненію „книгу“, опираясь на формальный моментъ, такъ какъ „отца“— существ. въ косвенномъ падежѣ, между тѣмъ какъ другіе считаютъ это слово опредѣленіемъ, опираясь на смысловой моментъ, такъ какъ по смыслу словосочетаніе „книгу отца“ = „отцову книгу“; аналогичное колебаніе будетъ и по отношенію къ словосочетанію „книгу въ переплетѣ“ въ предложеніи „передай мнѣ книгу въ переплетѣ“ [2]). Количество такихъ затруднительныхъ случаевъ для син-

[1]) Сложное сказуемое *я вижу* и въ такихъ предложеніяхъ, какъ: *я хочу читать, я заставляю тебя читать* и т. п.

[2]) Я пользуюсь для иллюстраціи своихъ положеній примѣрами изъ повседневнаго разговора, согласно выставленному выше положенію о разговорномъ языкѣ. Полагаю, что и при школьномъ преподаваніи синтаксиса слѣдуетъ пользоваться про-

таксическаго разбора можно умножить какъ по числу, такъ и по разнообразію, и если они вызываютъ колебаніе у учащихъ, то—очевидно—разрѣшеніе ихъ не по силамъ учащимся. Причина колебанія, какъ уже было упомянуто, заключается въ противорѣчіи или несогласованности между формальнымъ и смысловымъ моментомъ, при чемъ одни желаютъ рѣшить вопросъ односторонне съ точки зрѣнія формальнаго момента, тогда какъ другіе, наоборотъ,—съ точки зрѣнія смыслового. Очевидно, на этомъ пути невозможно придти къ соглашенію, и не значитъ ли стремленіе стать непремѣнно на ту или другую точку зрѣнія, что поступающіе такъ, унаслѣдовавъ по традиціи нѣкоторый ограниченный запасъ категорій и терминовъ, весьма подходящихъ быть можетъ къ большинству явленій рѣчи, стремятся уложить въ тѣ же рамки, совершенно какъ въ Прокрустово ложе, и такія явленія рѣчи, для которыхъ эти рамки являются неподходящими. Въ самомъ дѣлѣ, мы наблюдаемъ непрекращающееся творчество въ исторіи языка, а въ зависимости отъ этого я считаю возможнымъ и необходимымъ выдвинуть новыя синтаксическія категоріи. Въ виду того, что какъ то, такъ и другое изъ только что представленныхъ положеній одинаково является одностороннимъ и произвольнымъ, я предпочитаю ввести и здѣсь ученіе о *„сложныхъ“ второстепенныхъ членахъ предложенія*. Такимъ образомъ, въ приведенныхъ фразахъ мы можемъ назвать словосочетанія „книгу отца“ и „книгу въ переплетѣ“ сложными дополненіями, при чемъ слово „книгу“ является основною частью дополненія, а слова „отца“ и „въ переплетѣ“—пополняющею частью.

О нашемъ отрицательномъ отношеніи къ новому ученію о *неграмматическихъ* предложеніяхъ и элементахъ рѣчи см. Лекціи, 179. Мы полагаемъ, что все высказываемое рѣчью, равно какъ паузы, интонація и т. д., не можетъ считаться не-грамматическимъ, и предложенія въ родѣ восклицательно-указательнаго выраженія „вотъ!“ должны считаться однимъ изъ типовъ „неполныхъ“ предложеній.

Чтобы закончить отдѣлъ о простыхъ предложеніяхъ, мы дадимъ *табеллярную классификацію* ихъ примѣнительно къ изложенію синтаксиса въ нашемъ общемъ курсѣ русской грамматики.

стыми примѣрами, такъ какъ учащіеся могутъ быть недостаточно знакомы съ литературными произведеніями, откуда обыкновенно почерпаются въ руководствахъ по синтаксису отрывочныя фразы, нерѣдко даже мало понятныя въ ихъ оторванности отъ цѣлаго.

I. Со стороны объема, въ смыслѣ **числа членовъ** предложенія:

а) по наличности *главныхъ* членовъ предложенія:

1) одночленныя или неполныя—

α) съ однимъ сказуемымъ или безличныя (напр. „свѣтаетъ“);

β) съ однимъ подлежащимъ (напр. „Зима!.. Крестьянинъ, торжествуя“....);

γ) безъ обоихъ главныхъ членовъ—съ однимъ второстепеннымъ (напр. въ отвѣтахъ);

2) двучленныя или полныя съ простымъ или же сложнымъ сказуемымъ (напр. „солнце свѣтитъ“, „соловей — птица“);

б) по отсутствію или же присутствію *второстепенныхъ* членовъ предложенія:

1) нераспространенныя;

2) распространенныя.

II. Со стороны **характера сказуемаго** (замѣтимъ, что главнымъ образомъ на этомъ моментѣ основывается разнообразіе предложеній, такъ какъ именно при посредствѣ сказуемаго мы получаемъ возможность высказываться о подлежащемъ самымъ различнымъ способомъ):

а) по *объективному* содержанію сказуемаго:

1) предложенія, изображающія фактъ; сказуемое простое.

2) предложенія, указывающія качество;
3) предложенія классифицирующія. } сказуемое сложное.

б) по *субъективному* моменту или отношенію говорящаго къ высказываемому (въ связи съ различіемъ наклоненій):

1) повѣствовательныя—
α) собственно повѣствоват. } А. положительныя
β) вопросо-отвѣтныя } или утвердительныя;
2) восклицательныя } Б. отрицательныя.
3) желательныя и повелит.

III. По **залоговой структурѣ** предложеній:

а) предложенія въ *прямой* формѣ (напр. „я читаю книгу“);

б) предложенія въ *обратной* формѣ (напр. „книга читается мною“).

Что касается *сложныхъ* предложеній, то они представляютъ два главныхъ типа: равноправныя или такъ называемыя сложно-сочиненныя

и неравноправныя или сложно-подчиненныя [1]). Въ послѣднемъ случаѣ въ учебникахъ придаточныя предложенія характеризуются соотвѣтственно тому члену главнаго предложенія, который они какъ бы замѣщаютъ, напр. дополнительныя, опредѣлительныя и проч. Я считаю такое трактованіе вопроса неосновательнымъ уже по одному тому, что здѣсь придаточное предложеніе опредѣляется не по его собственнымъ свойствамъ, а по свойствамъ другого (главнаго) предложенія. Результатомъ такого неправильнаго взгляда являются случаи, гдѣ совершенно одно и то же придаточное предложеніе получаетъ разную характеристику при перемѣнахъ въ главномъ предложеніи, напр. „край, гдѣ все обильемъ дышитъ“ (опредѣлительное) || „тамъ, гдѣ все обильемъ дышитъ“ (обстоятельств.) || „не знаю, гдѣ все обильемъ дышитъ“ (дополнит.) [2]). Вмѣсто подобнаго способа разсмотрѣнія придаточныхъ предложеній я считаю болѣе правильнымъ тотъ способъ, какой предложенъ мною въ моемъ „Общемъ курсѣ русской грамматики“, т. е. придаточныя предложенія должны характеризоваться по ихъ собственнымъ свойствамъ и при томъ каждый разъ одновременно со стороны *значенія* (объяснительныя, опредѣлительныя и проч.) и со стороны *формальной связи* (союзъ „что“, относительное мѣстоим. и т. п.); на тѣхъ же страницахъ книги, имѣя въ виду живую рѣчь, я обратилъ вниманіе и на интонацію сложныхъ предложеній.

* * *

Отъ синтаксиса мы переходимъ къ *морфологіи*, представляющей инвентарь формъ, получающихъ свою жизнь въ синтаксисѣ въ качествѣ тѣхъ или другихъ членовъ высказываемыхъ предложеній. Этотъ инвентарь составляютъ части рѣчи съ ихъ дальнѣйшими подраздѣленіями, при чемъ необходимо указать, что, въ отличіе отъ синтаксиса, формы частей рѣчи морфологія группируетъ по принадлежности къ обнимающимъ ихъ *типамъ* или *системамъ* словоизмѣненія. Сначала мы остановимъ свое вниманіе на наиболѣе крупныхъ морфологическихъ категоріяхъ или *частяхъ рѣчи*.

Такъ какъ мы на первый планъ ставимъ изученіе живой рѣчи, какъ она проявляется въ дѣйствительности, то въ данномъ случаѣ,

---

[1]) Я называю эти категоріи главными, такъ какъ можно принять еще переходную категорію между ними, куда я отношу, напр. условныя предложенія.

[2]) Срв.. замѣчанія объ ошибочности разбираемаго взгляда въ сочиненіяхъ: Ушаковъ Д. Н. Краткое введеніе въ науку о языкѣ (1913) стр. 80; Кудрявскій Д. Н. Введеніе въ языкознаніе (1913)[2]. стр. 124—125.

какъ и во всѣхъ другихъ, первый вопросъ, представляющійся изслѣдователю, заключается въ томъ, чтобы убѣдиться, дѣйствительно ли существуютъ въ умѣ говорящихъ категоріи частей рѣчи. Простое наблюденіе подтверждаетъ, что части рѣчи — *дѣйствительныя категоріи нашего ума*; въ самомъ дѣлѣ, на обращенные къ намъ вопросы мы отвѣчаемъ всегда формами соотвѣтствующей части рѣчи, напримѣръ: пусть нѣкто проситъ меня угадать, кто его обидѣлъ? и я угадываю — братъ? товарищъ? ..., но не скажу — домой? послѣ? или т. п. (Очерки 228).

Что касается самаго трактованія вопроса о частяхъ рѣчи, то при начальномъ обученіи знакомятъ съ ними учащихся по основному *смыслу* ихъ, при чемъ вмѣсто обычныхъ грамматическихъ терминовъ пользуются болѣе простыми наименованіями, какъ напримѣръ, „названіе предмета“ (вм. имени существительнаго), „названіе качества“ и т. д.; но при послѣдующемъ прохожденіи грамматики къ смысловымъ признакамъ частей рѣчи присоединяются и *формальные*, т. е. указаніе на виды словоизмѣненія, свойственные отдѣльнымъ частямъ рѣчи. Однако здѣсь обнаруживается тотъ недостатокъ школьной грамматики, что классифицируемыя части рѣчи ставятся обыкновенно на одну линію, безъ достаточнаго обращенія вниманія на соподчиненіе однѣхъ частей рѣчи другимъ. Попытка дать классификацію, которая удовлетворяла бы послѣднему требованію, сдѣлана мною въ Рус. грам. (стр. 151—156, срв. также Лекціи 158), такъ что здѣсь я позволю себѣ остановиться лишь на вопросѣ о разграниченіи категорій имени существительнаго, имени прилагательнаго и глагола. Это разграниченіе не требуетъ особыхъ разъясненій, пока рѣчь идетъ о такихъ примѣрахъ, какъ:

$$\begin{matrix} \text{А} & \alpha & \xi \\ \text{столъ} & \text{черный} & \text{хожу.} \end{matrix}$$

Всякій скажетъ, что въ данномъ лексическомъ рядѣ слово столъ— сущ., черный—прил. и хожу—глаголъ; но чтобы получить болѣе точныя опредѣленія данныхъ частей рѣчи, необходимо считаться еще съ существительными, обозначающими качества и дѣйствія, напр. чернота, ходьба. Для того, чтобы разобраться въ вопросѣ, начнемъ съ *конкретныхъ* существительныхъ типа „столъ“; соотвѣтствующее представленіе получается изъ комплекса впечатлѣній отъ разнообразныхъ качествъ даннаго предмета—цвѣта (α), формы (β) и т. д., т. е.

$$\text{А} = \alpha + \beta + \gamma + \delta + \ldots$$

Въ то же время то или другое изъ этихъ качествъ можетъ встрѣчаться и въ цѣломъ рядѣ другихъ предметовъ (назовемъ послѣдніе L, M, N...), такъ что имѣемъ

$$\alpha A$$
$$\alpha L$$
$$\alpha M$$
$$\alpha N$$
$$\ldots\ldots$$

Благодаря повторенію идеи одного и того же качества въ представленіяхъ разныхъ предметовъ, идея этого качества можетъ обособиться въ нашемъ умѣ и мыслиться независимо или въ отвлеченіи отъ предметовъ, какъ бы опредмечиваясь; поэтому и слово („чернота“), которымъ оно обозначается, уже будетъ не прилагательное, а существительное *абстрактное* (отвлеченное), имѣющее свойственное этой части рѣчи склоненіе независимое отъ другого слова, тогда какъ соотвѣтствующее прилагательное („черный“) извѣстнымъ образомъ согласуется при своемъ склоненіи съ тѣмъ существительнымъ, къ которому относится. Если мы теперь обратимся къ глаголу „хожу“, „ходитъ“ и проч., то усматриваемъ, что соотвѣтствующее дѣйствіе можетъ быть производимо весьма различными предметами (назовемъ ихъ P, Q, R...), такъ что и здѣсь имѣемъ:

$$P\xi$$
$$Q\xi$$
$$R\xi$$
$$\ldots\ldots$$

Въ результатѣ выдѣляется въ нашемъ умѣ идея даннаго дѣйствія, какъ особаго явленія, независимо отъ того, кто бы ни совершалъ его, т. е. въ отвлеченіи отъ исполнителя; такимъ образомъ, представленіе дѣйствія въ нашемъ умѣ опредмечивается, а его названіе („ходьба“) будетъ существительнымъ *абстрактнымъ*; въ то время какъ это послѣднее склоняется какъ самостоятельное существительное, соотвѣтствующій глаголъ („хожу“, „ходитъ“...), обозначающій дѣйствіе въ его совершеніи производителемъ, измѣняется въ зависимости отъ этого по лицамъ, такъ какъ естественно требуется указать, производитъ ли это дѣйствіе самъ говорящій, или лицо, съ которымъ онъ разговариваетъ, или, наконецъ, третье лицо. Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что *существительное* обозначаетъ самостоятельное представленіе конкретнаго предмета, либо опредмеченныхъ качества или

дѣйствія, имѣя при этомъ опредѣленное словоизмѣненіе; *прилагательное* обозначаетъ несамостоятельное частное представленіе качества въ другомъ самостоятельномъ предметномъ представленіи, какъ обладателѣ этого качества, при чемъ прилагательное склоняется, согласуя свои окончанія съ родовой категоріей существительнаго, къ которому относится; что касается *глагола,* то хотя онъ и согласуется опредѣленнымъ образомъ съ словомъ, обозначающимъ производителя дѣйствія, но, несмотря на это, долженъ быть отнесенъ къ самостоятельнымъ частямъ рѣчи, такъ какъ глаголъ можетъ употребляться безъ другихъ словъ въ качествѣ цѣлаго предложенія (напр. „хожу", „ходишь"...). Такимъ образомъ, существительныя и глаголы являются самостоятельными частями рѣчи, а прилагательныя представляютъ часть рѣчи, подчиненную существительному. Къ самостоятельнымъ частямъ рѣчи нужно прибавить еще личныя мѣстоименія, а къ отдѣлу прилагательныхъ — извѣстныя числительныя, опредѣлительно-указательныя мѣстоименія и причастія. Подобно тому, какъ прилагательное опредѣляетъ собою существительное, такъ аналогичное *нарѣчіе* служитъ для опредѣленія качества дѣйствія (хорошій столъ || хорошо пишу), съ тою, однако, особенностью, что нарѣчіе, хотя и является подчиненною частью рѣчи, но не согласуется съ своимъ глаголомъ, такъ какъ не допускаетъ никакого словоизмѣненія; къ этой же категоріи относятся дѣепричастія, представляющія собою отглагольныя нарѣчія. Въ отличіе отъ разсмотрѣнныхъ частей рѣчи *предлоги* и *союзы* не имѣютъ полнаго собственнаго значенія, связывающагося съ основою слова, а являются только показателями извѣстныхъ отношеній между словами въ предложеніяхъ и между предложеніями (союзы). Наконецъ, *междометія* служатъ выраженіемъ эмоціональныхъ состояній говорящаго. Такимъ образомъ, части рѣчи располагаются въ три главныя группы: I) слова съ полнымъ собственнымъ значеніемъ — а) самостоятельныя и б) подчиненныя, II) слова формальныя или словечки отношеній, III) слова эмоціональныя; при этомъ первыя двѣ группы въ отличіе отъ послѣдней относятся къ сферѣ умственныхъ представленій.

Разсмотрѣвъ части рѣчи, т. е. самыя крупныя морфологическія категоріи, въ которыя группируются въ нашемъ умѣ отдѣльныя слова, мы должны перейти къ частнымъ ихъ группамъ, представляющимся въ сферѣ *словоизмѣненія* и *словообразованія.*

Всѣ слова нашей рѣчи, обладающія словоизмѣненіемъ, разлагаются на *основу* + *окончаніе,* при чемъ основа (могущая быть простою и

сложною) является носительницею собственнаго или матеріальнаго значенія словъ, тогда какъ окончанія выражаютъ извѣстныя отношенія между словами въ предложеніи и, такимъ образомъ, имѣютъ формальное значеніе. Какъ видимъ, разница между тою и другою частью слова является весьма существенною [1]). Это дѣленіе слова на основу и окончаніе является не просто теоретическимъ положеніемъ, но и дѣйствительнымъ фактомъ нашего ума, что̀ подтверждается цѣлымъ рядомъ доказательствъ, какъ напр. случаями заимствованія словъ, созданія новыхъ словъ, явленіями аналогіи и народной этимологіи и даже обмолвками, ослышками и описками (Оч. 223—225, Лекціи 155—156).

Намѣтимъ теперь въ самой общей схемѣ, основываясь на примѣрахъ изъ склоненія, тотъ путь, какимъ въ умѣ ребенка постепенно складываются типы словоизмѣненія. Конечно, эти типы образуются на почвѣ предложеній, а потому, приводя примѣры формъ склоненія, мы будемъ исходить изъ фразъ; напр.:

	I	II	III	
1. Это	столъ	рыба	соль	и проч.
	стаканъ	лампа	.....	
	.....	.....		
2. Подвинь	столъ	рыбу	соль	
	стаканъ	лампу	.....	
	.....	.....		
3. Нѣтъ	стола	рыбы	соли	
	стакана	лампы	.....	
	.....	.....		

и т. д.

Вертикальные столбцы нашей схемы указываютъ, какъ однородныя слова собираются въ умѣ въ тотъ или другой типъ склоненія (также и спряженія). Такъ какъ самыя слова выступаютъ въ фразахъ, то, благодаря этому, въ произносимыхъ формахъ словъ устанавливается связь между звуковою ихъ стороною и смысловою; а такъ какъ при этомъ одно и то же слово встрѣчается въ разныхъ формахъ, то это

[1]) Въ самомъ дѣлѣ, основа касается объективнаго содержанія въ значеніи словъ, окончанія же (равно какъ и формальныя части рѣчи) отражаютъ тѣ собственныя категоріи ума, по которымъ воспринимается объективное содержаніе. Здѣсь, такимъ образомъ, языкознаніе тѣсно соприкасается съ философскимъ ученіемъ о познаніи или гносеологіей.

ведетъ къ нѣкоторому выдѣленію постоянной части или основы въ отличіи отъ мѣняющихся формальныхъ частей или окончаній. Само собою разумѣется, что ребенокъ воспринимаетъ и примѣняетъ формы не въ какой либо опредѣленной грамматической послѣдовательности, но въ зависимости отъ разговора, такъ что рядомъ съ прилагательными могутъ усваиваться частицы, рядомъ съ именами глаголы въ тѣхъ или другихъ формахъ и т. д. Горизонтальные ряды схемы представляютъ разныя окончанія для одной и той же падежной формы, при чемъ около каждой варіаціи окончанія собирается цѣлая группа словъ, гдѣ данная варіація стоитъ въ соотношеніи съ опредѣленными окончаніями другихъ падежныхъ формъ той же группы словъ. Такимъ путемъ формируются въ нашемъ умѣ типы склоненій (а также спряженій) по различію окончаній, при чемъ въ каждомъ типѣ окончанія *соотносительны* между собою [1]); кромѣ того, въ каждомъ изъ этихъ основныхъ типовъ формируются еще болѣе частныя различія по ударенію и нѣкоторымъ особенностямъ въ окончаніяхъ, срв. напр. въ муж. родѣ: Р. ед. можетъ имѣть окончанія *-а* || *-у*, В. ед. О (нуль) || *-а*, Предл. ед. *-ѣ* || *ý*, и т. д. Классифицирующійся подобнымъ образомъ въ умѣ ребенка языковой матеріалъ прочно запечатлѣвается въ памяти, благодаря повторенію тысячи разъ однѣхъ и тѣхъ же формъ и оборотовъ, ибо извѣстно, что ребенокъ, если онъ здоровъ и не спитъ, говоритъ безъ умолку, такъ какъ все окружающее интересуетъ его своею прелестью новизны, при чемъ ребенокъ является не только слушающимъ, но и говорящимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самостоятельно создающимъ по запечатлѣвшимся образцамъ требующіяся формы для данныхъ словъ, хотя нерѣдко и ошибочно. Благодаря обильному упражненію, ребенокъ съ ходомъ времени овладѣваетъ настолько рѣчью, что образованіе формъ совершается уже *автоматически* и возможно правильно; поэтому мы видимъ неточность, когда нѣкоторые лингвисты, говоря о дѣленіи словъ на основу и окончаніе, утверждаютъ, что оно происходитъ въ „сознаніи“ говорящаго (правильнѣе было бы сказать—въ умѣ или языковомъ чутьѣ говорящаго) [2]).

Обращаясь къ собственно грамматической сторонѣ ученія объ основахъ и окончаніяхъ, я прежде всего долженъ сказать, что считаю неточнымъ общепринятое въ учебникахъ опредѣленіе основы, какъ

[1]) Вообще, флексійные или формальные признаки того или другого типа связаны между собою въ систему черезъ посредство словъ, принадлежащихъ къ данному типу, что̀ и составляетъ сущность соотносительности формъ соотвѣтствующаго типа.

[2]) Срв. Ушаковъ ук. соч. стр. 57, 58.

неизмѣняемой части словъ. Простое наблюденіе надъ фактами живой рѣчи съ очевидностью показываетъ, что основы обычно испытываютъ тѣ или другія звуковыя измѣненія, при чемъ эти послѣднія могутъ затрогивать какъ вокализмъ основы, такъ и консонантизмъ; видоизмѣненія въ вокализмѣ основы обусловливаются преимущественно вліяніемъ ударенія, а въ области согласныхъ (главнымъ образомъ заканчивающихъ основу)—качествомъ твердости или же мягкости гласнаго, начинающаго окончаніе. Эти измѣненія, въ зависимости отъ природы измѣняющагося звука, частію мало замѣтны, а частію довольно значительны. Что касается мало замѣтныхъ варіацій основы, то примѣромъ можетъ служить склоненіе слова „листъ“, какъ можно видѣть изъ слѣдующихъ падежныхъ формъ, приводимыхъ мною въ фонетической транскрипціи: л'і́ст || л'і́ст-а̄ || л'і́с'т'-ы̄; здѣсь мы видимъ въ основѣ чередованіе ударенаго и неударенаго гласнаго *і* и кромѣ того заканчивающей основу твердой и смягченной группы согласныхъ *ст*. Въ склоненіи такихъ словъ средняго рода, какъ *селб* || сёла, весло || вёсла и т. д., мы уже наблюдаемъ значительную разницу въ вокализмѣ основы, при чемъ въ ед. ч. имѣется гласный *'э*, а во мн.—*'о́*. Это чередованіе *'э* || *'о́* въ склоненіи данной группы словъ является настолько характернымъ, что даже подчинило себѣ путемъ аналогіи слова „гнѣздо“ и „ведро“ (собств. вѣдро) съ гласнымъ *'э* изъ древняго *ѣ* [1]). Въ качествѣ примѣра значительныхъ варіацій основы по согласному можно указать на спряженіе глаголовъ, основа которыхъ заканчивается задне-язычнымъ согласнымъ, срв. пеку || печешь и т. п., при чемъ въ народномъ языкѣ это чередованіе уже нивеллируется подъ вліяніемъ глаголовъ съ основою на другіе согласные (какъ напр. несу || несешь и т. д.), въ результатѣ чего получилось спряженіе пеку || пежешь и проч. [2]). Чтобы учащіеся возможно отчетливѣе уяснили роль

[1]) Нѣкоторые ученые (срв. Поржезинскій В. Элементы языковѣдѣнія и исторіи русскаго языка, Москва. 1910 г., стр. 109) не совсѣмъ точно характеризуютъ разсмотрѣнные случаи, утверждая, что здѣсь чередованіе *'э* || *'о* служитъ для различенія ед. и мн. числа, при чемъ *'о* стало однимъ изъ формальныхъ признаковъ множ. числа. Въ дѣйствительности здѣсь данное чередованіе, ограничивающееся частною группою именъ средняго рода, связано съ различіемъ того и другого числа не само по себѣ, но въ связи съ опредѣленнымъ типомъ переходнаго ударенія, свойственнаго этой категоріи словъ. Для доказательства сошлюсь на категорію словъ женскаго рода, гдѣ чередованіе тѣхъ же гласныхъ имѣетъ уже нѣсколько иное морфологическое распредѣленіе (срв. „дёсны“, но „деснáмъ“), въ зависимости отъ иного способа въ мѣнѣ ударенія.

[2]) Изъ всего сказаннаго мы видимъ, что явленія фонетическія въ сущности вхо-

фонетическаго момента въ морфологіи, считаю весьма желательнымъ прибѣгать въ такихъ случаяхъ къ *фонетической транскрипціи*, конечно—въ возможно упрощенномъ видѣ, а какъ показалъ мнѣ личный опытъ, такого рода фонетическая транскрипція легко схватывается учащимися. Благодаря ей, они лучше поймутъ и нѣкоторые собственно морфологическіе факты, какъ напр. отношеніе между твердымъ и мягкимъ склоненіемъ, гдѣ въ большинствѣ формъ вся разница сводится къ твердости или же мягкости конечнаго согласнаго основы, напр.:

в'і́л*а* (вила) || пу́л'*а* (пуля)
в'і́л*у* (вилу) || пу́л'*у* (пулю)

. . . . . .

Что касается *окончаній*, то я сдѣлаю возраженіе по поводу принимаемаго нѣкоторыми учеными подраздѣленія ихъ на *положительныя* и *отрицательныя* [1]). Къ послѣднимъ относятся такіе случаи, какъ ра́п („рабъ"), з'в'э́р' („звѣрь") и т. п., въ отличіи отъ раба́, з'в'э́р'*ă*, гдѣ формальная принадлежность или окончаніе признается положительною. Это ученіе, явившееся какъ протестъ противъ обычнаго школьнаго ученія объ окончаніяхъ -ъ и -ъ, основаннаго на буквахъ, а не звукахъ, въ свою очередь само грѣшитъ отчасти тѣмъ же недостаткомъ. Дѣло въ томъ, что и въ случаяхъ „рабъ", „звѣрь" и проч. имѣется положительный признакъ формы, а именно тотъ, что форма заканчивается послѣднимъ согласнымъ основы, произносимымъ въ одинъ слогъ съ предшествующимъ ему гласнымъ (срв. ра́п || ра|ба́), при чемъ, въ случаѣ парности согласнаго по звонкости и глухости, вмѣсто звонкаго согласнаго произносится на концѣ соотвѣтствующій ему глухой; такимъ образомъ, и въ этихъ случаяхъ мы видимъ положительный признакъ формы.

Чтобы покончить съ вопросами склоненія, намъ осталось еще ска-

---

дятъ въ морфологію, такъ какъ они непремѣнно происходятъ въ тѣхъ или иныхъ морфологическихъ категоріяхъ, вызывая въ нихъ фонетическія варіаціи или чередованія; подобнымъ образомъ и морфологія въ свою очередь входитъ въ синтаксисъ, такъ какъ послѣдній необходимо пользуется морфологическимъ матеріаломъ при построеніи предложеній. Такая связность частей грамматики вполнѣ естественна, такъ какъ слова нашей рѣчи представляютъ разными своими сторонами одновременно факты фонетики, морфологіи и синтаксиса. Лишь ради бо́льшаго удобства и отчетливости эти отдѣлы излагаются каждый особо, обыкновенно начиная съ простѣйшаго, т. е. фонетики.

[1]) Срв. Поржезинскій ук. соч. стр. 122; Ушаковъ ук. соч. стр. 58.

зать нѣсколько словъ о числѣ падежей и объ историко-генетической точкѣ зрѣнія на основы. *Число падежей* въ дѣйствительности больше, чѣмъ обыкновенно принимается въ школьныхъ руководствахъ. Послѣднія опираются на безпредложномъ примѣненіи падежныхъ формъ, за исключеніемъ, впрочемъ, т. наз. предложнаго падежа; а между тѣмъ нѣкоторые предлоги составляютъ такую же существенную часть падежной формы, какъ и окончаніе послѣдней; поэтому въ дѣйствительномъ языкѣ можно различить еще другіе падежи, какъ напр. исходный въ отличіе отъ родительнаго, мѣстный въ отличіе отъ изъяснительнаго, и нѣк. др. (Рус. грам. 166—167). Что касается *историко-генетической* точки зрѣнія на основы склоненія (въ отличіе отъ точки зрѣнія статической), то здѣсь должно обратить вниманіе на имѣющій принципіальное значеніе въ морфологіи законъ Бодуэна-де-Куртенэ о *сокращеніи основъ въ пользу окончаній* (Лекціи 161—162, Оч. 293—294, 385—386); согласно этому закону мы не можемъ говорить по отношенію къ русскому или старо-славянскому языкамъ о гласныхъ основахъ на *-а-*, *-о-* и т. д. (жена-, рабо- и пр.), такъ какъ въ такомъ видѣ основы существовали въ аріо-европейскомъ праязыкѣ, но затѣмъ тематическіе гласные отошли къ окончаніямъ, такъ что прежнія гласныя основы стали заканчиваться согласнымъ (жен-, раб- и т. п.).

Въ отношеніи *словообразованія* нужно отмѣтить нерѣдкую неточность въ опредѣленіи смысловой стороны *суффиксовъ*, роль которыхъ будто бы сводится къ видоизмѣненію оттѣнка значенія. Если это положеніе справедливо относительно такихъ случаевъ, какъ столъ< стол*икъ*, то совершенно не подходитъ къ случаямъ типа печь< печ*никъ*, гдѣ слова обозначаютъ совершенно различные предметы, хотя и стоящіе въ извѣстномъ взаимномъ отношеніи.

* * *

Закончивъ свои замѣчанія по вопросамъ морфологіи, я перехожу къ послѣднему отдѣлу моихъ бесѣдъ—къ *семазіологіи*. Обыкновенно при школьномъ преподаваніи этотъ отдѣлъ излагается въ теоріи словесности подъ именемъ „поэтическихъ словъ“ [1]). Мнѣ кажется, однако, такой взглядъ на перемѣны въ значеніи словъ совершенно неправильнымъ, такъ какъ подобныя „поэтическія“ слова переполняютъ и нашу

[1]) Срв. Лысковъ И. П. Теорія словесности въ связи съ данными языковѣдѣнія и психологіи (1914) стр. 248—301.

обыкновенную рѣчь. Чтобы убѣдиться въ этомъ, остановимся на какомъ-нибудь примѣрѣ изъ приводимыхъ въ теоріяхъ словесности. Такъ, въ случаѣ:

Бѣлѣетъ *парусъ* одинокій
Въ туманѣ моря голубомъ

къ поэтическимъ словамъ относятъ „парусъ", такъ какъ это слово употреблено не въ основномъ смыслѣ, а переносномъ, именно—въ смыслѣ цѣлаго паруснаго судна (такое примѣненіе части вмѣсто цѣлаго называютъ „синекдохой"). Между тѣмъ подобный способъ выраженія нерѣдко встрѣчается и въ прозаической рѣчи, хотя бы на лодочныхъ гонкахъ, напр. „покатили *паруса*", „заработали *весла*" и т. п.; въ первомъ примѣрѣ двинулись не одни паруса, а лодки парусныя, и кромѣ того самое дѣйствіе обозначено по сходству съ колеснымъ (синекдоха + метафора), а во второмъ случаѣ заработали собственно не весла, а гребцы заработали веслами (метонимія). Подобнымъ образомъ въ двустишіи:

Читалъ охотно *Апулея*,
А Цицерона проклиналъ

поэтическимъ словомъ считается „Апулея" (метонимія), такъ какъ при этомъ разумѣется не Апулей, а сочиненія Апулея. Однако развѣ въ разговорѣ мы не встрѣчаемъ аналогичнаго выраженія, напр.: „я не читалъ Апулея", а между тѣмъ въ этой фразѣ поэзія отсутствуетъ. Все дѣло въ томъ, что не слово само по себѣ становится поэтическимъ, а въ зависимости отъ того образно-художественнаго цѣлаго, въ которое оно входитъ. Поэтическое произведеніе можетъ и не имѣть словъ съ переноснымъ значеніемъ и все-таки быть художественно-поэтическимъ, какъ напр. извѣстное стихотвореніе Пушкина: „Кто онъ?" Кромѣ неправильности общаго взгляда на слова съ переноснымъ значеніемъ какъ на „поэтическія", я считаю и самое трактованіе вопроса пережиткомъ той эпохи, когда въ языкознаніи еще не утвердилось новѣйшаго психологическаго направленія; вслѣдствіе этого въ основу анализа и классификаціи явленій кладется не то или другое участіе психологическихъ факторовъ (ассоціацій разнаго рода), но многочисленная номенклатура стараго традиціоннаго ученія. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что разсматриваемый нами отдѣлъ требуетъ полной переработки съ точки зрѣнія психологической, при чемъ за отправный пунктъ должна быть принята и здѣсь живая разговорная рѣчь. Желая освѣтить вопросъ именно съ этой стороны, мы предварительно остановимся на нѣкоторыхъ существенныхъ чертахъ въ природѣ раз-

говорнаго языка, которыя намъ помогутъ лучше понять и типы переносныхъ значеній.

1) Разговорный языкъ въ зависимости отъ типа ума говорящихъ и также отъ сюжета рѣчи можетъ болѣе или менѣе склоняться въ сторону или языка прозаическаго, или же поэтическаго. Въ этомъ отношеніи мышленіе однихъ является болѣе или менѣе отвлеченнымъ и прозаическимъ, мышленіе же другихъ — болѣе образнымъ и поэтическимъ. Въ зависимости отъ этого нерѣдко одно и то же содержаніе получаетъ разное словесное выраженіе—болѣе прозаичное или же болѣе художественное. Но и сюжетъ не можетъ не оказывать вліянія на характеръ рѣчи: если, напр., описаніе при образности мышленія можетъ легко выливаться въ художественную рѣчь, то разсужденіе—даже и въ устахъ поэта—невольно будетъ клонить въ сторону прозаичной рѣчи.

2) Семазіологическіе процессы въ рѣчи получаютъ то или другое направленіе въ зависимости отъ обстоятельствъ разговора. Такъ, нѣкоторыя условія разговора благопріятствуютъ пропускамъ словъ, если это не вызываетъ недоразумѣнія; срв. названія матерій (напр. кашемиръ вм. матерія изъ Кашемира), винъ (напр. лафитъ, т. е. вино изъ лозъ замка Лафитъ) и т. п. Въ этихъ случаяхъ родовое названіе, какъ легко подразумѣваемое изъ обстоятельствъ разговора (напр. при покупкѣ, угощеніи и т. п.), опускается; такимъ путемъ, именно на почвѣ разговора, съ его характерною особенностью *пропусковъ излишнихъ словъ* при извѣстныхъ обстоятельствахъ (факторъ экономическій), и получились такія семазіологическія явленія, какъ напр. названіе продуктовъ именемъ мѣстности, откуда они произошли, въ зависимости отъ того, что то и другое связано въ нашемъ представленіи *ассоціаціей смежности*; разсматриваемое явленіе возникаетъ спорадически, а затѣмъ при своей удачности можетъ получить болѣе или менѣе общее употребленіе и перейти въ литературный языкъ.

3) Съ другой стороны, при иныхъ обстоятельствахъ, говорящій стремится въ своей рѣчи ярче представить слушателю образъ предмета, и тогда онъ прибѣгаетъ къ сравненію съ другимъ предметомъ, гдѣ данное качество представляется особенно рельефно, и отсюда возникаютъ такія сравненія и метафорическія выраженія, какъ „блеститъ какъ зеркало“, „ясный умъ“ и т. д.; эта группа семазіологическихъ явленій основана на *ассоціаціи сходства* и вызывается стремленіемъ къ возможно *большей изобразительности*.

Изъ всего изложеннаго нами слѣдуетъ, что поэтичность словъ за-

виситъ не отъ словъ въ отдѣльности, а отъ художественнаго цѣлаго, и что семазіологическія явленія словъ первоначально возникаютъ въ живомъ разговорѣ подъ вліяніемъ ассоціаціи смежности или же сходства. Отсюда получаются двѣ главныхъ категоріи семазіологическихъ перемѣнъ, при чемъ та и другая вызываются при своихъ особыхъ обстоятельствахъ и, какъ сейчасъ увидимъ, имѣютъ особыя области проявленія. Такъ,

А) по ассоціаціи *смежности*: а) названіе характерной части предмета можетъ служить для обозначенія цѣлаго: парусъ, голова, штыкъ; употребленіе въ собирательномъ смыслѣ ед. числа вм. множ. (французъ, рыба); б) названіе дѣйствія, совершаемаго совмѣстно, переносится на помѣщеніе и на выполняющее это дѣйствіе сообщество (судъ, управленіе, совѣтъ), названіе мѣста, объединяющаго общество,—на это послѣднее (аудиторія, классъ; „городъ“ спитъ); в) названіе переходнаго дѣйствія—на объектъ его (питье, шитье, вязанье, писанье); г) названіе матеріала—на продуктъ (бронза, фарфоръ; „не то на серебрѣ, на золотѣ ѣдалъ“); д) названіе мѣста добыванія продукта—на продуктъ (лафитъ, сардинка); и др.

Б) по ассоціаціи *сходства*: а) названіе части человѣческаго тѣла примѣняется для обозначенія аналогичныхъ частей другихъ предметовъ (ножка стола, ручка двери, спинка кресла), а также могутъ быть переносимы и названія частей одежды (рукавъ рѣки, жаркій поясъ); б) названіе частей тѣла животныхъ переносятся на аналогичныя части другихъ предметовъ (крыло арміи, стоять въ хвостѣ просителей); в) подобнымъ образомъ примѣняются и названія частей растеній (стволъ ружья, листъ бумаги, вѣтвь знанія); г) перенесеніе названія, относящагося къ впечатлѣнію одного чувства на аналогичное впечатлѣніе въ области другого чувства (острый ножъ—острый вкусъ, острый звукъ, острая боль; сладкій вкусъ—сладкій запахъ, сладкіе звуки); д) перенесеніе названія съ конкретнаго представленія на сходное абстрактное („ясный“ умъ, „горькая правда“); и т. д.

Такъ какъ развитіе значенія словъ происходитъ главнымъ образомъ въ разговорѣ, т. е. въ *обществѣ*, а это послѣднее представляетъ довольно различныя по роду занятій группы, то нерѣдко одно и то же слово получаетъ въ разныхъ группахъ различное переносное значеніе; такъ, слово „операція“, въ первоначальномъ смыслѣ выражавшее „производство работы“, затѣмъ получило разныя значенія, благодаря примѣненію въ разныхъ областяхъ (срв. военная операція, торговая операція, хирургическая операція). Конечно, наиболѣе узкою

общественною группою является *семья*, и здѣсь многія слова получаютъ кромѣ своего родового значенія еще и индивидуальное (напр. „чернильница“ не вообще, а опредѣленная).

Я не могу исчерпать въ краткой бесѣдѣ всѣхъ возможныхъ семазіологическихъ процессовъ; укажу еще напр. на то, что въ прогрессѣ культуры названіе явленія переносится на преемственное явленіе въ силу того или другого ихъ сходства (срв. „вздувать“ огонь, хотя уже безъ дутья на горячій уголь, а посредствомъ спички), и, такимъ образомъ, находимъ пережитки словъ, по которымъ можно читать лѣтопись былого; укажу далѣе на то, что иногда съ принятіемъ крупнаго дара цивилизаціи отъ другой народности связывается заимствованіе словъ въ болѣе возвышенномъ значеніи (срв. въ русскомъ языкѣ такіе дублеты словъ, какъ глава || голова, стражъ || сторожъ, житіе || житьё и т. п., или появленіе въ эпоху возрожденія классической древности латинизированныхъ словъ во французскомъ рядомъ съ соотвѣтствующими природными); и др.

На основаніи изложеннаго мы приходимъ къ тому практическому выводу, что при преподаваніи ученія о тропахъ возможно совсѣмъ изгнать традиціонную номенклатуру семазіологическихъ перемѣнъ въ словахъ (синекдоха и т. п.), а просто говорить о *переносномъ значеніи* словъ, подраздѣляя случаи на указанныя двѣ категоріи, въ зависимости отъ участія того или другого типа ассоціаціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ я долженъ указать на неточность выраженія „измѣненіе“ значенія, такъ какъ въ семазіологическихъ процессахъ не происходитъ измѣненія значенія, но только названіе одного представленія переносится на другое представленіе, связанное съ первымъ ассоціаціею смежности или же сходства. Въ самомъ дѣлѣ, если мы говоримъ „стволъ“ по отношенію къ извѣстной части ружья, то вѣдь при этомъ не происходило какого либо измѣненія значенія (а только переносъ названія), ибо данные предметы продолжаютъ каждый свое особое существованіе и принадлежатъ разному порядку.

Наконецъ, что касается *поэтичности*, то здѣсь кромѣ общей художественно-поэтической концепціи особенно важную роль играютъ, какъ я уже указывалъ въ прежнихъ работахъ (Оч. 326—331, Лекціи 184), *красочныя части рѣчи*, т. е. прилагательныя при существительныхъ и нарѣчія при глаголахъ (конечно, въ связи съ метафорами и сравненіями); срв.:

Надъ Невою *рѣзво* вьются
Флаги *пестрые* судовъ,

Звучно съ лодокъ раздаются
Пѣсни *дружныя* гребцовъ.

Заканчивая свои грамматическія бесѣды по русскому языку, не могу не коснуться воззрѣнія, высказываемаго иногда даже преподавателями, что предметъ русской грамматики считается учащимися сухимъ и скучнымъ. Я не могу согласиться съ такимъ представленіемъ, такъ какъ знаю факты, когда именно русская грамматика казалась учащимся предметомъ живымъ и интереснымъ, тогда какъ исторія русской литературы—предметомъ мертвымъ и неинтереснымъ. Очевидно, все дѣло сводится къ способу преподаванія предмета, почему я и позволю себѣ нѣсколько остановиться на этомъ вопросѣ. Я полагаю, что русская грамматика будетъ казаться учащимся скучною, когда дѣло ограничивается однимъ прохожденіемъ учебника въ порядкѣ параграфовъ. Въ этомъ случаѣ у учениковъ отсутствуетъ самодѣятельность, а между тѣмъ именно она и способна возбудить у нихъ интересъ къ предмету; поэтому я думаю, что преподаваніе грамматики можетъ быть оживлено въ школѣ при помощи небольшихъ грамматическихъ работъ, въ формѣ задачъ, самостоятельно исполняемыхъ учащимися. Приведу нѣсколько образцовъ задачъ для старшихъ классовъ, какія могли бы предлагаться ученикамъ для рѣшенія на дому въ связи съ проходимымъ въ классѣ:

1. Выбрать въ такомъ-то небольшомъ произведеніи или отрывкѣ сложныя слова, распредѣливъ ихъ по частямъ рѣчи и болѣе мелкимъ категоріямъ (срв. типы: водовозъ, мореплаватель; темносиній; долгорукій; и пр.).

2. Выбрать въ данномъ произведеніи или отрывкѣ иностранныя слова и классифицировать ихъ по источнику заимствованія, предметамъ и эпохамъ.

3. Выбрать слова съ переноснымъ значеніемъ изъ художественнаго произведенія или отрывка, распредѣлить ихъ по категоріямъ ассоціацій смежности и сходства и привести рядомъ выраженія съ тѣми же словами въ томъ же переносномъ значеніи изъ разговорнаго языка.

4. Особенности рѣчи простонародной (или: купечества, духовенства и т. п.) на основаніи соотвѣтствующихъ небольшихъ произведеній (народныхъ сказокъ, тѣхъ или другихъ произведеній Островскаго, Лѣскова и т. п.).

5. Фонетико-морфологическій переводъ на современный литератур-

ный языкъ небольшого отрывка изъ того или другого простонароднаго русскаго діалекта (слова изъ произведенія должны быть выписаны столбцомъ, а рядомъ помѣщены соотвѣтствующія имъ формы литературнаго языка).

6. Фонетико-морфологическій и синтаксическій переводъ на современный литературный языкъ небольшого отрывка изъ лѣтописи Нестора, Слова о полку Игоревѣ, или т. п.

Вообще, прохожденіе грамматики и стилистики должно сопровождаться небольшими работками въ указанномъ направленіи. Эти послѣднія въ сущности аналогичны тѣмъ предварительнымъ работамъ, какія производятся учеными, и, приводя ученика къ тѣмъ или другимъ самостоятельнымъ выводамъ, способны вызывать въ немъ то же чувство удовлетворенія и радости, какія испытываетъ ученый при своихъ работахъ. Самыя работки должны быть очень небольшія, чтобы не мѣшать занятіямъ другими предметами; а чтобы облегчить учителю выборъ наиболѣе подходящихъ отрывковъ для того или другого вопроса, равно какъ и подборъ самыхъ вопросовъ, является желательнымъ появленіе толково составленныхъ *грамматическихъ задачниковъ* для отдѣльныхъ классовъ.

В. Богородицкій.